

праведников в раю». «Houri» у Байрона — это любимый образ и символ идеальной женской красоты. Русский поэт-переводчик воздержался от заимствования непривычных для русской поэзии этой эпохи «гурий», а воспользовался традиционным словосочетанием «дева рая», которое встречается, к примеру, в «Бахчисарайском фонтане» А. С. Пушкина («К нему навстречу дева рая / С улыбкой страстной полетит») и других русских произведениях на восточные темы. Строки «Oh! who so dear with him could dwell? / What Houri soothe him half so well?»¹³ переведены Козловым так: «О нет! возможно ль, чтоб иная / Так нежно с ним умела жить, / И будто может дева рая / Страстней меня его любить?»¹⁴

В романтическую эпоху Восток привлек к себе внимание западноевропейских писателей. При анализе байроновской поэмы «The Bride of Abydos» мы видим, как уже в языковом плане — с точки зрения использования восточных слов — наблюдается пристальный интерес английского поэта к далекому загадочному краю. Мусульманский Восток давал Байрону новые впечатления и новые творческие возможности: с одной стороны, он использовал и визуально выделял восточные слова (а также детально объяснил в примечаниях их значение с целью ознакомления английских читателей с чужой культурой); с другой стороны, провел эксперимент в области стихосложения, обращаясь к своеобразным рифмам с применением ориентализмов.

Когда русский поэт-переводчик, представитель другой языковой и культурной традиции, ставит перед собой задачу перевести байроновскую поэму на русский язык, интересующая нас восточная лексика и английский оригинал в целом претерпевают серьезные изменения. Козлов не уделил экзотичной лексике такого же внимания, как Байрон. Русский переводчик, по-видимому, не ставил перед собой задачу узнать Восток и ознакомить с ним читающую публику, поэтому уменьшил количество экзотизмов и соответствующих примечаний, а также нейтрализовал визуальные знаки этих слов. Возможно, как полагает С. Л. Каганович, это объясняется тем, что Россия из-за своей «близости и к Западу, и к Востоку» относится к последнему «не как к далекому, малознакомому, а потому экзотическому миру, а как к одной из равноправных составляющих окружающей поэта живой, реальной действительности».¹⁵

Байроновскому литературному эксперименту создания литературного произведения, насыщенного обильными непонятными экзотизмами и новыми типами рифм, Козлов также не последовал. Будучи более консервативным в художественном творчестве по сравнению с Байроном, поэт-переводчик стремился придерживаться умеренной экзотичности и выполнить перевод в рамках традиционных эстетических принципов.

¹³ Byron G. G. The Bride of Abydos: a Turkish Tale. P. 183.

¹⁴ Козлов И. И. Полн. собр. стихотворений / [Вступ. статья, подг. текста и прим. И. Д. Гликмана]. Л., 1960. С. 352 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁵ Каганович С. Л. Некоторые особенности русской ориентальной поэзии первой трети XIX в. (Формирование стилиевой традиции) // Русская литература и Восток. Ташкент, 1988. С. 34.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-53-63

© О. С. Муравьева

АЛЕКСАНДР ПУШКИН НА RENDEZ-VOUS

В известной статье Н. Г. Чернышевского «Русский человек на *rendez-vous*» (1858) были выявлены некоторые особенности развития любовного сюжета в русской литературе. Смело экстраполируя закономерности поведения мужчины по отношению к женщине на его общественную деятельность, критик тем самым заявил о целостности личности и о важности изучения вопросов, относящихся к частной, интимной жизни

индивида.¹ В историко-литературных исследованиях такой аспект изучения литературных персонажей и личности писателей развития, в общем, не получил. Неясно очерчен, в сущности, даже образ главного героя-любownika русской литературы — Александра Пушкина. В необъятной пушкиниане, разумеется, много сказано и об его любовных связях, и об его любовной лирике, но все эти сведения с трудом складываются в целостный образ. Не говоря уже о постоянном смешивании личности поэта с лирическим субъектом его стихотворений, даже собственно биографический аспект темы остается недостаточно раскрытым.

Пушкиноведение пока практически не участвовало в развитии очень популярного на Западе направления, так называемой микроистории или истории частной жизни. В отличие от прежних исследований, где частная жизнь исторических персонажей или даже целых социальных слоев представляла, собственно, собранием рассказов, новое научное направление выдвигает на первый план изучение ментальных и поведенческих стереотипов, т. е. специфических представлений о мире, господствовавших в том или ином обществе, и их отражения в повседневной жизни. Понятия любви, дружбы, вражды, чести, позора и т. п. в различные эпохи и в различных социальных группах понимались по-разному и реализовывались в определенных моделях социального и бытового поведения. Отношение к женщине в кругу этих явлений предстает, быть может, одним из самых удобных объектов для изучения. Поскольку общественные законы и обычаи устанавливались главным образом мужчинами, то нормативы, призванные регулировать поведение женщины, прописывались ими с особой тщательностью. Однако выявить и описать такие стереотипы — это только полдела. Самое сложное и самое интересное — понять взаимодействие и противоборство стереотипного и индивидуального, ведь именно таким образом осуществляется становление индивида и развитие общества. Иначе говоря, мы можем ответственно характеризовать поступки и суждения исторического лица только в соотнесении с ментальными и поведенческими стереотипами его среды и эпохи.² Биографическая литература о Пушкине на сегодняшний день такие проблемы не рассматривает. Весь свод того, что написано о частной жизни Пушкина, позволяет только констатировать разнообразие и противоречивость его слов и поступков. Мы имеем большой материал для изучения, но не умеем к нему подступиться. В пушкиноведении, традиционно уделявшем достаточно внимания личной жизни поэта, даже не сложилось ясного представления о характере отношения Пушкина к женщинам.

В сборнике статей «Человек в кругу семьи» пушкинская эпоха представлена единственной работой Н. Л. Пушкаревой и С. А. Экштута «Любовные связи и флирт в жизни русского дворянина в начале XIX века».³ В основу статьи положен анализ дневника А. Н. Вульфа, традиционно представляющего в отношении любовных связей за все русское дворянство, включая и Пушкина. Статья П. Е. Щеголева «Любовный быт пушкинской эпохи» также основывалась исключительно на материале этого дневника. Щеголев считал личный опыт Вульфа типичным для поведения молодого помещика и склонен был, с некоторыми оговорками, ставить знак равенства между ним и Пушкиным.⁴ Однако цинизм и бесстыдная откровенность дневниковых записей Алексея Вульфа свидетельствовали не только о нравах его среды, но и об особенностях его личности и обстоятельствах его жизни. Это был человек с неудавшейся служебной карьерой, тяготившийся зависимостью от матери, неуверенный в своих мужских воз-

¹ Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: [В 15 т.]. М., 1950. Т. 5. С. 156–174.

² См.: Бессмертный Ю. Л. Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 11–19; Репина Л. П. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Там же. С. 20–32.

³ Пушкарева Н. Л., Экштут С. А. Любовные связи и флирт в жизни русского дворянина в начале XIX века // Там же. С. 180–206.

⁴ См.: Щеголев П. Е. Любовный быт пушкинской эпохи // Вульф А. Н. Дневники (Любовный быт пушкинской эпохи). М., 1929. С. 13–28.

можностях. Победы над женщинами служили ему средством реванша и самоутверждения. Все это ни в коей мере не было свойственно Пушкину. Конечно, они были приятелями и, наверное, делились опытом в откровенных беседах, но неизвестно, до какой степени Пушкин реально разделял взгляды Вульфа и принимал его манеру поведения. Нет оснований и считать, что в среде провинциального дворянства поступки Вульфа по отношению к женщинам принимались как должное. Осенью 1828 года Пушкин пишет Вульфу из Малинников: «Меня приняли с достою почтением и благосклонностию. Утверждают, что вы *гораздо хуже меня* (в моральном отношении), и потому не смею надеяться на успехи, равные вашим. Требуемые от меня пояснения насчет вашего петербургского поведения дал я с откровенностию и простодушием — отчего и потекли некоторые слезы и вырвались некоторые недоброжелательные восклицания, как например: *какой мерзавец! какая скверная душа!* но я притворился, что их не слышу».⁵ Письмо, конечно, шутовское, но, вероятно, оно передает реальное отношение сельских помещиков и к Вульфу, и к Пушкину.

Л. П. Гроссман — один из немногих пушкинистов, бравшихся выносить суждения по деликатной проблеме отношения Пушкина к женщинам, писал с шокирующей резкостью и прямолинейностью: «Равнодушие и безразличие к духовному миру женщин определяют все его увлечения. Характерно свидетельство его брата Льва, что в разговорах с женщинами он никогда не касался вопросов поэзии и литературы. Любовь для него оставалась преимущественно сферой острых эротических переживаний и несколько отвлеченным материалом для великолепных лирических опытов, для бессмертных русских *Amores*. Но любви в простом человеческом смысле ему, по-видимому, никогда не пришлось испытать».⁶ С этими утверждениями, конечно, можно поспорить.

Письма поэта к жене, без сомнения, исполнены любви «в простом человеческом смысле». Тезису о «равнодушии и безразличии к духовному миру женщины» противостоят женские образы в пушкинских произведениях. Татьяна Ларина и Маша Миронова, Мария в «Полтаве» и Лизавета Ивановна в «Пиковой даме», Марья Гавриловна в «Метели» и Лиза в «Барышне-крестьянке» — разные женские типы, разные личности со своим характером, своим отношением к жизни. Интерес Пушкина к духовному миру женщины проявлялся и в желании поэта иногда посмотреть на жизнь ее глазами, писать от ее лица. Помимо знаменитого письма Татьяны Лариной к Онегину, это и незавершенные произведения «Роман в письмах», «Рославлев», «Мария Шоннинг». Даже в пушкинской лирике, для которой, действительно, обычно важна не столько «она», сколько чувство поэта к «ней», есть яркие и своеобразные женские образы: «Портрет», «В тревоге шумной и бесплодной...», «Когда твои младые лета...».

Свидетельство Льва Сергеевича Гроссмана передает не совсем точно. Брат поэта вспоминал: «О поэзии и литературе Пушкин говорить вообще не любил, а с женщинами никогда и не касался до сего предмета».⁷ Речь не о том, что Пушкин не говорил на эти темы именно с женщинами, он не говорил об этом ни с кем. Между тем в окружении Пушкина было достаточно женщин, с которыми он с большим удовольствием говорил на самые серьезные темы. Достаточно назвать Е. М. Хитрово, Е. А. Карамзину, Е. Н. Мещерскую, А. О. Смирнову-Россет.

Бытовое поведение Пушкина, по отношению к женщинам в частности, без сомнения, во многом определялось этикетными нормами его среды. Быт и обычаи светского общества в пушкинскую эпоху, как известно, были ориентированы на воспроизводство западноевропейских, главным образом французских, образцов. Причем именно в 1820–1830-е годы мы видим «максимальное приближение» к этим образцам. Они усваиваются уже не в первом и не во втором поколении, как в XVIII веке, но еще не

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 33. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

⁶ Гроссман Л. Культура писем в эпоху Пушкина // Письма женщин к Пушкину. М., 1928. С. 11.

⁷ Пушкин Л. С. Биографическое известие об А. С. Пушкине до 1826 года // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 63.

испытывают агрессивного натиска со стороны разночинной среды, как в середине и конце XIX века. В рамках европейской системы ценностей формировалось и отношение к женщине: представления о женской чести и женском позоре, о допустимых и недопустимых оттенках в обращении мужчины с женщиной. Например, замужней женщине разрешалось гораздо больше свободы в отношениях с мужчинами, нежели девушке, живущей в родительском доме. Разумеется, это не нравилось ее мужу, но в обществе желание дамы иметь поклонников и даже любовные связи принималось вполне благосклонно, нужно было только соблюдать необходимые приличия. Заметим, что все знаменитые возлюбленные молодого Пушкина: Амалия Ризнич, Елизавета Воронцова, Анна Керн — замужние женщины, окруженные поклонниками. Чувство поэта к юной Марии Раевской могло быть только тайным и платоническим.

Этикетные нормы предписывали мужчине неизменно галантную и покровительственную манеру общения с дамами. Лорд Честерфилд строго наставлял сына: «К женщинам тебе следует всегда быть очень внимательным и выказывать им всяческое уважение, что бы ты ни испытывал к ним в душе <...> badinage должны быть прямо или косвенно направлены на их хвалу и ни в малейшей степени не допускать злонамеренного истолкования...».⁸

Пушкин мог быть с дамами изысканно любезным, но мог высказываться и весьма резко. Один из таких разговоров передает О. С. Павлицева в письме к мужу от 20 декабря 1835 года. Графиня А. И. Коссаковская как-то сказала Пушкину: «Savez-vous, monsieur, que votre Godounoff paraît intéressant en Russie?» — «Madame, tant comme vous pouvez passez pour une jolie femme dans la maison de madame votre mère» («Знаете ли, что Ваш Годунов может показаться интересным в России?» — «Сударыня, так же, как Вы можете сойти за хорошенькую женщину в доме вашей матушки»). Реакция графини была вполне предсказуема, по словам О. С. Павлицевой, «с тех пор она равнодушно на него смотреть не могла».⁹ Трудно сказать с уверенностью, укладывалась ли эта пушкинская дерзость в ответ на обидное или просто глупое замечание дамы в рамки поведенческой нормы, или же она была ярким проявлением его характера.

Пушкин умел дружить с женщинами, но, за немногими исключениями (например, В. Ф. Вяземская и Е. Н. Мещерская), обычно в дружбе поэта с женщиной в какой-то мере присутствовал романтический оттенок. В данном случае особенности его характера вполне соответствовали обычаям времени. Галантные знаки внимания даме, изысканные комплименты и даже пикантные подчас шутки со стороны мужчины в светском обществе не только не считались предосудительными, но были признаком хорошего воспитания. Честерфилд в «Письмах к сыну» одобрительно отмечает, что у французов всегда присутствует «некая галантная игривость с женщинами, в которых мужчины не только не влюблены, но даже не притворяются влюбленными».¹⁰ В атмосфере постоянного флирта дружеские отношения мужчины и женщины легко приобретали более или менее чувственный характер.

Традиционное представление о том, что в пушкинскую эпоху нравы были более строгими, нежели в наше время, слишком поверхностно. В чем-то, без сомнения, более, а в чем-то даже менее. Вернее сказать, что они были другими, а какими именно, мы знаем не совсем точно. Рассмотрим для примера один биографический эпизод.

Летом 1831 года Пушкин проводит медовый месяц в Царском Селе. Едва ли не каждый день к молодоженам заходит А. О. Россет и под обиженные реплики Натальи Николаевны («Ты ведь не ко мне пришла, а к мужу, ну так и иди к нему») проходит в кабинет Пушкина, где подолгу ведет с ним наедине оживленные беседы. Часто по вечерам Пушкин, оставив молодую жену дома, вместе с Жуковским идет в гости к Рос-

⁸ Честерфилд. Письма к сыну // Честерфилд. Письма к сыну. Максимум. Характеры / Изд. подг. М. П. Алексеев, А. М. Шадрин. Л., 1971. С. 187 (сер. «Литературные памятники»); badinage — шутки (фр.).

⁹ Письма О. С. Павлицевой к мужу, Н. И. Павлицеву, в 1835 г. / Сообщил Л. Н. Павлицев // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1913. Вып. 17–18. С. 203.

¹⁰ Честерфилд. Письма к сыну. С. 163.

сет, и все трое очень весело проводят время.¹¹ Согласимся, что в иную эпоху такое поведение мужа в медовый месяц вызвало бы некоторое недоумение. Тогда, насколько можно судить, оно никаких нареканий не вызывало. Россет, видимо, искренна и точна в своих воспоминаниях: ее отношения с Пушкиным носили чисто дружеский характер, он был влюблен в свою жену, но разговаривать ему было интереснее с умной, острой на язык фрейлиной, и он не считал нужным отказывать себе в этом удовольствии. Разумеется, мужчине всегда разрешается многое из того, чего не разрешается женщине. Но важно знать, являлось ли такое поведение сугубо индивидуальной манерой Пушкина, или же оно укладывалось в поведенческую норму. В данном случае реакция друзей и знакомых Пушкина, самой Натальи Николаевны и (быть может, самое важное!) городских сплетников заставляет склониться к последнему.

Судя по стихотворению «В тревоге шумной и бесплодной...» Александра Россет нравилась поэту не столько как женщина, сколько как личность — яркая, независимая и незаурядная. Они были хорошими друзьями, однако из воспоминаний Россет известно, что она позволяла себе с Пушкиным некоторые вольности: принимала его, лежа на кровати, просила помочь ей сесть, поддерживая за спину, показывала босые ножки.¹² Подобное искушение близостью, приятно будоражившее воображение, видимо, также не выходило за рамки допустимого поведения.

В пушкинской любовной лирике нет сюжетов, где лирический герой выступал бы в роли объекта неразделенной женской страсти. В реальной жизни поэт не раз оказывался в такой роли.¹³ В каждой из таких ситуаций раскрываются как черты личности Пушкина, так и нравы его времени.

Е. М. Хитрово была без памяти влюблена в Пушкина, о чем было известно всему свету. Не исключено, что поэт когда-то и снизошел к ее чувствам, но ни о каком романтическом увлечении с его стороны речь не шла. Ее любовь была безответна и бескорыстна, о чем красноречиво говорят ее письма к поэту. «Вам слишком хорошо известна моя беспокойная, судорожная нежность. При вашем благородном характере вам не следовало бы оставлять меня без вестей о себе. Запретите мне говорить вам о себе, но не лишайте меня счастья быть вашим поверенным. <...> Несмотря на мою кротость, безбидность и смирение по отношению к вам (что возбуждает вашу антипатию), подтвержайте хотя бы изредка получение моих писем. <...> А все-таки, у меня есть внутреннее убеждение, что если бы вы знали, до какой степени мне необходимо вас увидеть — вы пожалели бы меня и вернулись бы на несколько дней!» (письма от 18, 20 и 21 марта 1830 года (XIV, 70, 402)).¹⁴ Получив известие о предстоящей женитьбе Пушкина, она пишет: «Утопив в слезах мою любовь к вам, я все же останусь тем же страстно любящим, кротким и безбидным существом, которое готово за вас в огонь и в воду...» (середина мая 1830 года (XIV, 92, 411)). Назойливое обожание немолодой и некрасивой женщины Пушкина, конечно, тяготило, и он учтиво, но решительно уклонялся от ее забот. «Такой скучный больной, как я, вовсе не заслуживает столь любезной сиделки, как вы, сударыня» (10 февраля 1828 года (XIV, 2, 385)). Иногда, впрочем, он не мог сдерживать раздражение: «Откуда, черт возьми, вы взяли, что я сержусь? У меня хлопот выше головы. Простите мой лаконизм и якобинский слог» (август — 1-я пол. октября 1828 года (XIV, 32, 391)).

Елизавета Михайловна — женщина светская и образованная, отличалась в то же время непосредственностью и простодушием, делавшими ее постоянным объектом острот и героиней анекдотов. Такая репутация влюбленной дамы придавала всей

¹¹ См.: *Смирнова-Россет А. О.* 1) Рассказы о Пушкине, записанные Я. П. Полонским // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 157–158; 2) Автобиографические записки // Смирнова-Россет А. О. *Дневник. Воспоминания.* М., 1989. С. 280.

¹² См.: *Смирнова-Россет А. О.* 1) Воспоминания о Пушкине и Жуковском // Смирнова-Россет А. О. *Дневник. Воспоминания.* С. 22; 2) Автобиографические записки. С. 260, 427.

¹³ По свидетельству Льва Сергеевича, «женщинам Пушкин нравился; он бывал с ними необыкновенно увлекателен и внушил не одну страсть на своем веку» (*Пушкин Л. С.* *Биографическое известие об А. С. Пушкине до 1826 года.* С. 63).

¹⁴ Подлинники писем Хитрово и Пушкина по-французски.

ситуации несколько водевильный характер; эта «жанровая особенность» сюжета Пушкина, видимо, забавляла. «Если ты можешь влюбить в себя Елизу, то сделай мне эту божескую милость, — писал он Вяземскому. — Я сохранил свою целомудренность, оставя в руках ее не плащ, а рубашку (справься у княгини Мещерской), а она преследует меня и здесь письмами и посылками. Избавь меня от Пентефрейхи» (вторая половина (не ранее 18) марта 1830 года (XIV, 74)). Чувства «Елизы», однако, оставались неизменными. В 1833 году Пушкин писал жене из Болдина: «...кланяйся всем моим прелестям: Хитровой первой. Как она перенесла мое отсутствие? Надеюсь, с твердостью, достойной дочери князя Кутузова» (8 октября 1833 года (XV, 86)). Позволяя себе подтрунивать над бедной Елизаветой Михайловной, он все же ценил ее доброту и искреннюю преданность. В общем, Пушкин сумел достойно выйти из щекотливого положения: тонкая любезность светского человека и снисходительность умного мужчины позволили ему сохранить самые добрые отношения с Хитрово. В свете над этой историей подшучивали, но нарушения приличий в ней не усматривали.

В пушкинских стихах этот сюжет отражен не был, потому и описывать его проще. Личная жизнь поэта имеет свою особенность: она неизбежно становится материалом для его лирических произведений. Невозможно говорить о любовных сюжетах в жизни поэта, не обращаясь к его любовной лирике. Однако здесь встают такие непростые задачи, как установление границы между эстетической и житейской реальностями и оценка лирического текста как психологического документа. Поэтому использовать в изучении этой темы художественные тексты Пушкина приходится с большой осторожностью.

Одним из самых уязвимых в этическом отношении эпизодов личной жизни Пушкина стали отношения с А. Н. Вульф, дочерью П. А. Осиповой от первого брака. Известно, что в пушкинское время оказывать явные и настойчивые знаки внимания незамужней девушке и не делать предложения значило ее компрометировать. Такое поведение мужчины вполне могло стать причиной дуэли. Между тем Пушкин оказывал Анне более чем откровенные знаки внимания, а ее мать относилась к этому совершенно спокойно. Свидетельствует ли это об узаконенной вольности усадебного быта, об обычаях семьи Осиповых–Вульф или же мы имеем дело с совершенно нестандартной ситуацией? В зависимости от ответа на этот вопрос поведение Пушкина будет оцениваться совершенно по-разному. Все, что мы знаем о жизни обитателей Тригорского, заставляет склоняться к тому, что решающую роль здесь играли именно обычаями семьи. Сомнительные амурные подвиги Алексея Вульфа, по всей вероятности, не были большим секретом для его сестер и кузин. Прасковья Александровна, глядя сквозь пальцы на поведение любимого сына, тем самым вольно или невольно поощряла рискованные любовные игры, в которые вовлекались ее дочери и племянницы. Да и сама она вела не монашеский образ жизни: ее связь с Пушкиным, наверное, тоже не была для семьи тайной. В такой атмосфере легко завязывались приятные и необязательные отношения. Скусающий в деревенской ссылке молодой поэт охотно включался в любовные игры, не грозившие ему никакими неприятными последствиями.

Пушкин познакомился с Анной Вульф еще в свой первый приезд в Михайловское в июле–августе 1817 года, но отношения их завязались в то время, когда ссыльный поэт безвыездно жил в Михайловском (1824–1826 годы).

Двадцатилетняя Анна Николаевна, по понятиям того времени, «засиделась» в девушках. Ее сентиментальность и романтические мечты, трогательные в семнадцатилетней девочке, казались уже смешными. Влюбленность в Пушкина, которую она не умела скрыть, делала ее особенно уязвимой. Пушкин относился к «Анетке» с неизменной иронией, то добродушной, то холодной, вместе с тем допуская в отношениях с ней степень близости, вселявшую в девушку несбыточные надежды. Их связь была для поэта лишь незначительным и малоинтересным эпизодом в череде его любовных приключений. Для нее же она стала, быть может, самым ярким и трагическим событием жизни. Несколько сохранившихся писем Анны Вульф к Пушкину свидетельствуют об ее глубоко, искреннем чувстве и неподдельных страданиях. Письма, написанные в разное время, похожи друг на друга; она то говорит о пережитых унижениях и оби-

дах, то старается казаться спокойной и кокетливой, то не может сдержать нежных и страстных признаний, хотя и сознает, что адресата они только раздражают.

«...Я не могу не сказать вам, как оскорбляет меня ваше поведение. <...> я боюсь, что вы не любите меня, как должны были бы любить; вы разрываете и раните сердце, которому не знаете цены <...> Когда мы увидимся? Не буду жить до этого момента» (20 апреля 1826 года (XIII, 273, 554)).¹⁵ «Никогда в жизни никто не заставит меня испытывать такие волнения и ощущения, какие я чувствовала возле вас», — писала она Пушкину (16 сентября 1826 года (XIII, 297, 560)). «Ах! Если бы я могла спасти вас, рискуя жизнью, с каким удовольствием я бы ею пожертвовала и одной только милости просила бы у неба — увидеть вас на мгновение и умереть» (11 сентября 1826 года (XIII, 294, 558)).

Драматизм ситуации усугублялся тем, что Анна и ее мать, Прасковья Александровна, в отношениях с Пушкиным выступали как соперницы. Насколько можно судить, Пушкин в разное время был близок с ними обеими. П. А. Осипова тоже горячо и преданно любила поэта, но относилась к нему со спокойной материнской снисходительностью. Сорокатрехлетняя женщина, дважды побывавшая замужем, мать взрослых детей, естественно, не ждала от молодого поэта предложения руки и сердца, о чем, наверное, втайне мечтала Анна. Однако она не собиралась уступать дочери своего возлюбленного и, пользуясь родительской властью, старалась удалить девушку из Тригорского. Анна не сомневалась, что мать делает это из ревности: «Я негодую на маменьку, что за женщина, право! Впрочем, во всем этом есть отчасти и ваша вина», — писала она Пушкину из Малинников 8 марта 1826 года (XIII, 268, 553). Осипова была намного старше Пушкина, но нет сомнения, что поэт был ею увлечен.

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

(II, 423)

В изящной форме этой элегии, написанной в 1825 году и посвященной Прасковье Александровне, скрыто смелое по откровенности признание, в меланхолических словах здесь пульсирует чувственность. Безусловно, хозяйка Тригорского нравилась Пушкину как женщина, но, кроме того, она сумела стать ему другом. Сохранившиеся двадцать четыре письма Пушкина к П. А. Осиповой убедительно доказывают его неизменно нежное и благодарное отношение к этой женщине.

Анне же так и не удалось завоевать его сердце, и лирических признаний она от поэта не дождалась. Предположительно, ей посвящен черновой набросок «Я был свидетелем золотой твоей весны...» (1825), где речь идет о девушке, чья юность осталась позади, отражение в зеркале не радует, и женихов уже немного. В альбом Анны Пушкин записал два стихотворения: шутовское поздравление («Хотя стишки на именины...» (1825)) и «Увы, напрасно деве гордой...» (1825). Именно последнее интересно в контексте нашей темы.

Увы, напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой.
Слезами только буду сыт,
Хоть сердце мне печаль расколет.
Она на шепочку <.....>,
Но и <.....> не позволит.

(II, 452)

¹⁵ Подлинники писем Анны Вульф по-французски.

Лирический сюжет стихотворения: неприступная красавица, благосклонности которой тщетно добивается влюбленный поэт, — далек от реальной ситуации, и в этом соотношении безобидное альбомное стихотворение приобретало унижительный для Анны смысл. Открыто влюбленная в поэта, она, видимо, долго не могла решиться на близкие отношения с ним. Изображая ее гордой красавицей, Пушкин откровенно смеялся над наивной девушкой. Записав стихотворение в альбом Анны, последние два стиха Пушкин обозначил точками и наверняка не захотел объяснить, что они означают.

Во всех изданиях сочинений Пушкина до 1905 года эти последние два стиха отмечены точками; в Академическом издании 1937–1949 годов они печатаются с пропуском двух слов (II, 452). П. А. Ефремов, четыре раза публиковавший стихотворение в своих изданиях собраний сочинений Пушкина (в 1861, 1880, 1882 и 1905 годах), только в последнем издании напечатал текст полностью, но с сокращением обценного слова в предпоследнем стихе.

Согласно комментарию Ефремова, полный текст стихотворения с последними двумя стихами, скрытыми Пушкиным от Анны Вульф, А. П. Керн продиктовала своему второму мужу.¹⁶ Строчки, которые Пушкин дал прочитать Керн, нарочито резко контрастируют с предыдущим текстом. В них, в неудобной для печати словесной форме, та же ситуация (девушка отказывает мужчине) изображается грубо и цинично. Таким образом, полный текст стихотворения превращает насмешку в прямое оскорбление. Хорошо, что Анна Вульф не узнала этого никогда. Пушкин, увы, не смог удержаться, чтобы не показать циничные строчки Керн, но не ошибся, доверившись именно ей. Анна Керн была женщиной, давно утратившей девичью стыдливость, но имеющей ясные представления о порядочности; она раскрыла эту маленькую тайну только тогда, когда и Пушкина, и Анны Вульф уже не было на свете.

Анна настойчиво просила Пушкина сжигать ее письма, но он их сохранил. Скорее всего, они были дороги ему не как память об «Анетке», а как образцы писем влюбленной девушки. Письмо Татьяны Лариной к Онегину не имеет прямых переключек с известными нам письмами Анны Вульф к Пушкину, но своей непосредственностью, доверчивостью и эмоциональностью оно очень напоминает эпистолярные признания Анны. В художественной реальности романа в стихах Пушкин куда сочувственнее отнесся к страданиям влюбленной героини, чем он относился в реальной жизни к страданиям Анны... Прямых соответствий или противоречий биографического эпизода с романом в стихах искать, конечно, не следует. Это вовсе не означает возвращения к старой альтернативе: «Пушкин в жизни — Пушкин в поэзии». Разумеется, в «Евгении Онегине» реальная жизнь и сам автор вместе с ней преобразуются и очищаются от всего мелкого и некрасивого, но ведь преобразование и очищение осуществляются не только благодаря силе его поэтического гения, но и за счет его человеческих, душевных ресурсов. Другое дело, что в своих поэтических творениях Пушкин порой так высоко поднимался над прозой человеческих отношений, что в жизни и сам не всегда мог удержаться на взятой высоте. Тем же, кого шокируют поступки поэта, не вписывающиеся в образ его лирического героя, можно напомнить, что многим людям драма душевных взлетов и падений вообще не ведома.

Судьба позволила Анне в последний раз увидеть Пушкина незадолго до его смерти — в январе 1837 года, когда она приезжала в Петербург к своей сестре Зизи, ставшей баронессой Вревской. Никаких свидетельств об этой встрече до нас не дошло. Анна так и не вышла замуж и прожила всю жизнь в родовых имениях Тригорское и Малинники. Мы не знаем, вспоминал ли Пушкин когда-нибудь об Анне Вульф, чувствовал ли вину перед ней? Известно только, что иногда он судил себя очень строго: «И с отвращением читая жизнь мою, / Я трепещу и проклинаю...» («Воспоминание», 1828), — но можно лишь гадать о том, какие факты и события своей жизни он имел в виду.

Чисто платоническими были отношения Пушкина с Е. П. Сушковой (в замужестве графиня Ростопчина).¹⁷ Юная Додо была романтически влюблена в Пушкина еще до

¹⁶ *Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. [СПб.,] 1905. Т. 8. С. 217.*

¹⁷ Об отношениях Пушкина и Сушковой см.: *Солдатова Л. М. Пушкин и графиня Хвостова // Из пушкинианы Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Л., 1988. С. 39–49.*

знакомства с поэтом. Впервые она увидела Пушкина 8 апреля 1827 года на пасхальном гулянии в Москве. Свои впечатления позже она описала в стихотворении «Две встречи» (1838): поэт, сопровождаемый восторженным гулом толпы, быстро прошел мимо нее, но девочке казалось, что она успела увидеть выражение его лица и понять его чувства и его страдания. С тех пор Пушкин стал предметом ее тайных влюбленных грез:

Уж он прошел, а я в волненьи
Мечтала о своем виденьи, —
И долго, долго в грезах сна
Им мысль моя была полна!..
Мне образ памятный являлся,
Арапский профиль рисовался,
Блистал молниеносный взор,
Взор, выражающий укор
И пени раны затаенной!..
И часто девочке смиренной,
Сияньем чудным озарен,
Все представлял, все снился он!..¹⁸

Вскоре она получила возможность встретиться и побеседовать со своим кумиром. Знакомство ее с поэтом состоялось в декабре 1828 года, на бале в доме московского генерал-губернатора Д. В. Голицына. Безусловно, Пушкин был представлен девушке кем-то из ее родственников или друзей семьи. Пушкин и семнадцатилетняя Сушкова много танцевали и долго разговаривали, вероятно, девушка читала ему свои стихи. Судя по стихотворению «Две встречи» их разговор носил интимный и романтический характер. В поэтическом пересказе Сушковой Пушкин сетовал, что судьба не свела его раньше с такой девушкой, что она родилась слишком поздно, когда он уже отжил, жалел, что «Песни девической страсти / Другому поются».¹⁹ Трудно сказать, насколько точно поэтесса передала содержание их беседы. М. П. Алексеев был убежден, что «все, что писала об этом сама Ростопчина <...> было ее иллюзией или самообольщением».²⁰ Однако вполне вероятно, что Пушкин примерно так и вел разговор со своей юной поклонницей. Другое дело, сколько было в его словах искренних признаний, а сколько искусного флирта и игры. Легко предположить, что поэт в самом деле был тронут и взволнован явным обожанием и восхищением хорошенькой девушки. Правдоподобно звучит и то, что он «с любопытством» смотрел на юную поэтессу и хотел услышать ее стихи: «...песнь женского сердца, песнь женских страданий». Однако сожаления об их разнице в возрасте могли быть только наигранными. В 1828 году Пушкин задумывается о женитьбе и ищет себе невесту, его внимание привлекают как раз юные неопытные девушки. Софья Пушкина, Анна Оленина, Екатерина Ушакова, Наталья Гончарова — все они были примерно такого же возраста, что и Додо Сушкова. Очевидно, начинающая поэтесса с этой точки зрения его не заинтересовала, и он нашел деликатный способ сразу отвести возможность подобного сюжета. Видимо, Пушкин с добротой и участием отнесся к влюбленной девушке, которая на всю жизнь сохранила благодарные воспоминания об их встрече. После этого бала Пушкин ближе познакомился с семейством Пашковых (Додо Сушкова рано лишилась матери и воспитывалась в семье деда с материнской стороны И. А. Пашкова). Никакие личные, даже дружеские отношения между Пушкиным и его поклонницей были невозможны, но не исключено, что имел место их тайный поэтический диалог.

В альманахе «Северные цветы на 1830 год» было опубликовано стихотворение Сушковой «Талисман» с подписью «Д...а». В нем поэтесса признается, что хранит «священный талисман», в котором для нее «цель надежд», «узел бытия», «грядущего залог». Это не кольцо, не браслет, не письмо, не альбом, не портрет, «мой талисман —

¹⁸ Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1986. С. 96.

¹⁹ Там же. С. 96–97.

²⁰ Алексеев М. П. К истории текста «Во глубине сибирских руд» // Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 426.

воспоминанье / И неизменная любовь!»²¹ Предмет «неизменной любви» остался неизвестным, но название стихотворения, перекликающееся со стихами Пушкина («Талисман»), слова о некоем священном воспоминании, ставшем залогом грядущего, позволяют предположить, что имелся в виду именно он. Как бы то ни было, стихотворение прозвучало как публичное признание в любви, что было совершенно недопустимо для незамужней девушки. Это событие вызвало скандал в доме Пашковых: бабушка заставила Додо каяться перед иконой и дать клятву ничего не печатать, по крайней мере, до замужества. Вероятно, эта история стала в обществе предметом пересудов, больно ранивших девушку. (В дальнейшем литературные героини Ростопчиной-Сушковой будут постоянно сетовать на злоречие света). Пушкин, конечно, читал «Северные цветы» и не мог не заметить стихотворение «Талисман». Авторство Сушковой тайной не было: и издатель альманаха Дельвиг, и передавший стихи в редакцию Вяземский, разумеется, знали, кто скрывается под псевдонимом «Д...а». Светский круг был довольно тесным, и злые сплетни о Сушковой наверняка доходили до Пушкина. Неизвестно, принял он ее поэтическое признание на свой счет или нет, но, наверное, посочувствовал юной поэтессе, с которой не так давно имел доверительную беседу. По условиям того времени выступить в ее защиту поэт не мог: любые слова поддержки и сочувствия, произнесенные им в обществе, еще больше скомпрометировали бы девушку. В этой ситуации Пушкин нашел способ обозначить свою позицию: в том же году в «Литературной газете» появляется его стихотворение под заглавием «К ***» («Когда твои младые лета...»). Оно посвящено юной девушке, которую «позорит шумная молва», потому что она нарушила принятые в свете нормы поведения (III, 205). В чем именно провинилась в глазах света его героиня, «страдания» которой поэт один с ней разделяет, из текста не понятно. Неясность коллизии, лежащей в основе сюжета, не позволяло уверенно связать его с какой-либо конкретной биографической ситуацией. В научной литературе на роль адресата предлагались Аграфена Закревская и Анна Керн, но обе они по тогдашним понятиям были зрелыми женщинами, к которым не могли относиться слова «твои младые лета». Юная Сушкова, пострадавшая в общественном мнении из-за своих невинных стихов, больше соответствует образу героини пушкинского стихотворения. Вместе с тем в стихотворении ситуация выглядит гораздо трагичнее, нежели в реальной судьбе Сушковой. Конечно, девушку огорчали незаслуженные обвинения и сплетни, однако слова «по приговору света / На честь утратила права» к ней отнести было невозможно. Вскоре Сушкова благополучно вышла замуж, стала хозяйкой известного салона и продолжила печатать свои произведения. Героиня пушкинского стихотворения и положение, в которое она попала, заставляют вспомнить сюжет романа Бенжамена Констана «Адольф» (соч. 1807, изд. 1816). В романе речь идет не о неосторожном поступке неопытной девушки, а об адюльтере и о женщине, открыто пренебрегающей нормами поведения в обществе. Возможно, реальная история с Сушковой и искреннее сочувствие поэта к боготворившей его девушке трансформировались в лирический сюжет под воздействием романа Констана.

Сушкова наверняка прочитала это стихотворение Пушкина, но почувствовала ли она в нем адресованное ей лично сочувствие, мы не знаем. В 1836 году, когда Сушкова, уже графиня Ростопчина, с мужем переехала в Петербург, Пушкин стал бывать в ее доме на обедах, на которых собирались известные литераторы. Сушкова-Ростопчина всегда оставалась восторженной поклонницей поэта, но никакого романтического оттенка в их отношениях уже не было.

Следует признать, что выстроенная здесь история отношений Пушкина и Сушковой носит во многом гипотетический характер. Реконструкция подобных коллизий в принципе гипотетична, но не бесполезна. Рассмотренные нами небольшие сюжеты, в которых тесно переплелись нравы эпохи, житейское поведение поэта и его стихи, косвенно свидетельствующие о реальных психологических коллизиях, иллюстрируют общие вопросы, поставленные в начале нашей статьи. Внимательно рассматривая

²¹ Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма. С. 32.

каждый подобный сюжет, всякий раз стремясь поставить его в биографический и поэтический контекст, можно обрести не точное знание (его исключает сам предмет изучения), но более ясное представление о том, каким был этот человек — Александр Пушкин на rendez-vous.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-63-77

© Н. А. Хохлова

ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. ТУРГЕНЕВА (МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ) ЧАСТЬ 2

В соответствии с основной задачей статьи — исследовать обстоятельства (главным образом служебные), в которых протекала археографическая деятельность Тургенева, — в первой (вступительной) части¹ рассмотрены предпосылки к ее осуществлению (формирование исторических интересов в Геттингенском университете под руководством А. Л. Шлецера, научное общение с Н. М. Карамзиным в связи с подготовкой «Истории государства Российского»). Почти вся служба Тургенева прошла под начальством кн. А. Н. Голицына, поэтому дано представление об их личных взаимоотношениях, особое внимание уделено совместной работе по Министерству духовных дел и народного просвещения.

Важный исследовательский сюжет, определивший научную судьбу Тургенева, связан с приобретением им в 1809 году так называемых «Актов Альбертранди», издать которые напутствовал его Карамзин. Распространенные в научной литературе утверждения о том, что после 1824 года он нигде не служил, был непримиримым оппозиционером, собирал источники по истории России как историк-энтузиаст, неверны фактически или нуждаются в существенной корректировке. После падения упомянутого Министерства (1824) служба Тургенева продолжилась при Почтовом департаменте, возглавляемом Голицыным, и имела статус высочайших «поручений» (первое из них состояло в том, что он должен был сообщать об устройстве европейских учебных, благотворительных и богоугодных заведений).²

С 1832 года начинается регулярная переписка А. И. Тургенева с А. Н. Голицыным. В Особую канцелярию при Почтовом департаменте он направлял свои отчеты и получал заверенные копии, которые и отложились в архиве.³ Кроме того, существовала и неофициальная переписка (имеются как черновики писем Тургенева, так и ответы Голицына). Этот внушительный эпистолярный комплекс, насчитывающий около 230 писем, практически не изучался. Тем не менее он известен, так как некоторые письма были опубликованы в составе «Хроники русского» (этой теме мы посвятим отдельную статью).

С сентября 1832 по февраль 1834 года Тургенев преимущественно жил в Италии, ревностно исполняя данное ему поручение. В отчетах из Венеции, Флоренции и Рима

¹ См.: Русская литература. 2021. № 1. С. 73–86.

² Работа основана на материалах архива братьев Тургеневых (Ф. 309), хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Далее при цитировании материалов этого фонда указываются номер единицы хранения (с пометой «ст.», т. е. по старому описанию) и лист.

³ «Копии писем Действительного статского советника А. Тургенева к князю А. Н. Голицыну с реэстрами книг, пересылаемых из-за границы по части народного просвещения Министерства внутренних дел и по части филантропической» (Ед. хр. ст. 1102; 61 письмо за 1832–1841 годы). Эти копии, об изготовлении которых Тургенев сам хлопотал, были ему необходимы, «дабы знать, где и что у меня осталось» (Ед. хр. ст. 4714_о. Л. 30 об.).